

Д Е Н Ю Ж К И

— Все-то денежки стоят! — продолжая какую-то свою мысль, сказала старушка, обтирая клетчатым фартуком крыничку чайничка. Она поставила чайничек на макушку добродушного самовара и, указывая на бурые газетинки, нависшие над постелью, поклонилась: — Во как мне мужички крышу покрыли! Я их матом покрыла...

Бабушка встряхнула коробок, проверяя, остались ли в нем спички, выудила из кармашка фартука мяту папиросу, осветила спичкой сморщенное лицико и воткнула ее в потертую изрезанную kleenку горящей головкой вверх.

— Закурю и спичку в kleenку воткну: если на Череповец, то спичка туда поклонится. Все хочу письмцо племянке нарисовать: милое золото, пришли ты мне хоть тыщу али письмцо простое, а не золотое: что ты с моими денежками три года делаешь? Через тебя, милое золото, я в восемьдесят годов покуривать стала. Двадцать три тыщи! Шутка ли сказать — двадцать три тыщи... Я двадцать лет была в пастухах. У меня ни сына, ни дочи. Где бы маленьку купить, я денежку копила. А племянка взяла и сгребла. Шутка ли сказать — двадцать три тыщи! Да я бы себе такую хоромину отгрохала — целиной совхоз уместился бы! Я бы на эти денежки три дома бы купила, не эдакой печальной. Что ты мне, золото милое, посылку не спсылаешь? Али у тя в магазине много делов?

Спичка, уже давно додоревшая, кланилась бабушке. И самовар, сочувствуя старушке, шумно взыхал.

— Не воротишь денюжек. Племянка-то заведуща магазином, Денежек у ей много. И моя приголубила. Да погоди ты! — прикрикнула она на кота, взлетевшего на стол и столкнула его локтем. — Голодай! — И — мне: — Ты бери масло-то — малгарин называется. Да ты с обеих сторон намазывай... Погоди, котик, масло намажу. Иди! — она оттолкнула подхалимного кота сапожком. — Картошку наядим продам — денюшка будет. Денюшка будет — куплю тебе красненьку. Али беленьку? Как — ничево? А дрова мне пилил? Где это видано, чтобы задаром! Разобидел ты меня, Ленюшка! Ну тебя с поленицей! Забирай себе и разговаривать с тобой не хочу!

Глядя на ее маленькое, картофельное лицико, на сердито блестящие глазенки, я сказал старушке:

— Лучше лишние деньки, чем лишние деньги.

— Да как же так! — не унималась бабушка. — Даве одного оглоеда просила мне печку исправить. — Купи трубу, — говорит. Сходила в лавку, купила трубу. Торнул трубу — даже глиной не обмазал, да всю крышу мне издырил... Это я всю правду говорю. — Скоко за трубу, — доспрашивая. — А восемь-десят восемь рублей. — Што ты, — говорю, — это без двух рублей девяносто. — Взял он денюшки и пили два дня и две ночи. А потом высадил мне окошко. Вышла я на улицу да и в ноги ему поклонилась, и сказала: — И будешь ты жить тыщу лет!... Это я все правду говорю. — Старушка потянулась ручонкой к самоварному крану, который никак не мог сдвинуться ни вправо, ни влево. — Дак ты что — вправду не возьмешь денежек?

Кот внимательно смотрел на меня, выпускал коготки. И ~~Миски~~ Никола-Угодник блестящими от лампадки глазами словно спрашивал меня: "Вправду не возьмешь?"

- Не-ет,- сказал и услышал радостный крик старушки:

- Отвернула кран-то! Отвернула кран-то, Ленюшка! А то ведь было и не отвернуть кран-то!..
